

Секция «Запад в российской социально-политической мысли»

«Предсмертные мысли Фауста». Н.А. Бердяев о работе О. Шпенглера «Закат Европы»

Научный руководитель – Перевезенцев Сергей Вячеславович

Комаров Александр Алексеевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: komaroff1997@mail.ru

Выдающийся русский философ Николай Бердяев одним из первых отечественных мыслителей дал оценку самого известного труда немецкого историософа Освальда Шпенглера «Закат Европы» [2, 3]. Н.А. Бердяев, в свойственной ему оригинальной манере, сравнил концепцию культуры О. Шпенглера с художественным образом Фауста, судьба и душа которого, по его мнению, отражают всю суть Западной Европы [1, с. 364]. Примечательно, что анализ рецензии Бердяева позволяет выявить сходства и различия в понимании кризиса европейской культуры этими двумя философами.

Н.А. Бердяев отмечает, что труд немецкого философа об исторических судьбах культур и народов является ответом на глобальный послевоенный кризис. Упомянув в отзыве свои схожие по тематике работы («Конец Ренессанса», «Конец Европы»), русский философ эмоционально и одобрительно переходит к «Закату Европы»: «Книга Шпенглера - замечательная книга, местами почти гениальная, она волнует и будит мысль» [1, с. 366]. Также он отмечает «широту замысла» и «размах» творчества Шпенглера, называя немецкого историософа «своеобразным интуитивистом» [1, с. 367].

Шпенглер одним из первых зарубежных мыслителей дает критический прогноз дальнейших перспектив западноевропейской цивилизации. Вместе с тем, он считал себя частью этой цивилизации. Бердяев находит в этом противоречие: «Он не новый человек цивилизации, он, умирающий Фауст - человек старой европейской культуры» [1, с. 376]. Кроме того, Бердяев пишет, что в Шпенглере «нет цивилизаторской волевой цельности».

Развивая эту мысль, отечественный философ утверждает, что позиция Шпенглера не позволяет ему постичь смысл истории. Первооснова бытия и смысл бытия, по мнению Бердяева, остаются для Шпенглера закрытыми: «он порывает с эпохой гносеологизма в философской мысли, но не переходит к онтологизму» [1, с. 367].

К слабым сторонам работы «Закат Европы» Н.А. Бердяев также относит вопрос значения религиозного фактора при анализе Шпенглером европейской культуры. В частности, восприятия европейцами христианской веры. Он обвиняет немецкого мыслителя в «арелигиозности» и в «духовном уродстве» [1, с. 368]. Вместе с тем, критика Бердяева не последовательна. Так, он отмечает, что «культура религиозна по своей природе» [1, с. 369], тогда как «цивилизация безрелигиозна» [1, с. 369].

Особый интерес представляет оценка немецкого классика с позиции пессимизма. Многие зарубежные исследователи позже отмечали, что творчество Шпенглера лишь в негативном ключе отражает перспективы развития западноевропейской культуры. Однако, Бердяев такой оценки не придерживался, и отмечал, что «пессимизм Шпенглера, если уместен такой термин в применении к нему, есть пессимизм культурно-исторический, а не индивидуально-метафизический» [1, с. 368]. Тем самым, Бердяев проводит разграничение между личной позицией Шпенглера и результатами его творчества. Сам Шпенглер позже ответил на критику «Нет, я не пессимист. Быть пессимистом значит: не видеть впереди никаких задач. Я же вижу так много задач еще не решенных, что боюсь, что у нас не

хватит для них времени и людей. Наука права находится еще в зачаточном состоянии. До сих пор она была почти только филологией. Политическая экономия вообще еще не стала наукой. История еще только открывает свои важнейшие — для нашей жизни — объекты». [4, с. 6]

Бердяев, в отличие от множества других рецензентов, в своей работе отмечает стройность и логичность взаимосвязи естествознания и культуры в концепции Шпенглера. Он во многом согласен с немецким классиком в том, что разные области духовной культуры имеют внутреннее единство явлений. «Он (Шпенглер) открывает одни и те же первофеномены в разные эпохи, в разных культурах» [1, с. 372]. Более того, Бердяев на примере развития физической науки доказывает взаимосвязь культуры и естествознания: «Для нашей научной эпохи характерно могучее развитие физики. В физике происходит настоящая революция. Но открытия, которые делает физика нашей эпохи, характерны для заката культуры. Энтропия, связанная с вторым законом термодинамики, радиоактивность и распадение атомов материи, закон относительности - все это колеблет прочность и незыблемость физико-математического мирозерцания» [1, с. 380].

Отечественный мыслитель разделяет позицию Шпенглера относительно центрального тезиса «Заката Европы»: «культура» и «цивилизация» не являются тождественными понятиями. Однако, он уточняет, что данное умозаключение не обладает научной новизной для российской социально-политической мысли. «Все русские религиозные мыслители утверждали это различие. Все они ощущали ужас от гибели культуры и надвигающегося торжества цивилизации» [1, с. 373-374]. По большей части Н.А. Бердяев ссылается на Н.Я. Данилевского, как на первооткрывателя культурно-исторических типов. Примечательно, что и сам О. Шпенглер не отрицает влияния творческого наследия Н.Я. Данилевского на формирование его концепции об исторических судьбах культуры и народов.

Видится, что сравнительный анализ текстов «Предсмертные мысли Фауста» и «Закат Европы» представляет особый интерес для современного научного сообщества. Остаются актуальными вопросы оценки возникновения кризисных ситуаций, влияния культурно-исторического, национального и цивилизационного факторов на возникновение проблемных точек и поисков путей решения конфликтных ситуаций. Оба автора схожи во мнении, что сформировавшаяся культура является результатом неудачного исторического развития. Вместе с тем, остается открытым вопрос причины этой неудачи. Шпенглер под этой неудачей понимает естественное начало (жизнь), тогда как Бердяев - духовное начало (кризис веры).

Источники и литература

- 1) Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002. С. 366-381.
- 2) Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М. : Мысль. 1993. 663 с.
- 3) Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М. : Мысль. 1998. 606 с.
- 4) Шпенглер О. Пессимизм ли это? // Пер. и предисл. Павла Попова. – М.: Задруга, 1922. 40 с.